

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия**Институт педагогики и психологии образования**Кафедра филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе**Профессор, доктор филологических наук, доцент**Moscow State Pedagogical University (MGPU), Moscow, Russia**Institute of Pedagogic and Psychology of Education**Doctor of Science in Philology, Associate Professor**alekshvan30@gmail.com***ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: ПОЭТ И ИСТОРИЯ**

Статья рассматривает проблемы взаимосвязи формирования творческой личности и истории в контексте автобиографического текста. «Рассказ о себе» в русской автобиографической прозе XIX–XX вв. художественно ярко и убедительно раскрывает важность мировосприятия эпохи и исторических событий в формировании базовых, первичных впечатлений детства.

В качестве эмпирического материала рассматриваются произведения из репрезентативного ряда русской классики XIX века «Записки одного молодого человека» (1840 – 1841); «Былое и думы» (1852 – 1868) А.И. Герцена и «Пошехонская старина» (1887) М.Е. Салтыкова-Щедрина. Особого накала переживания эпохальных событий XX достигают в индивидуальном стиле А.П. Гайдара в повести «Школа» и очерке «Обыкновенная автобиография в необыкновенное время» (1929).

Предмет рассмотрения в статье сосредоточен на историзме детских воспоминаний, памяти эпохальных событий и оценке социальной действительности, которая объединяет автобиографические методы А.И. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Гайдара. С другой стороны, избранный ракурс, повлиявший на само сознание авторов, демонстрируют неповторимость индивидуального стиля каждого из писателей.

Отношения Поэта и Истории раскрываются в особой связи времени исторического рождения. Эпохальные события мировой и отечественной истории поэтизируются и получают статус «КРУПНЫХ СОБЫТИЙ ДЕТСТВА» в разворачивании автобиографического повествования. Более того, два

взаимосвязанных процесса поэтизации и прозаизации в теории жанра автобиографической прозы не только передают антиномичность авторского отношения к неоднозначным и противоречивым историческим реалиям, сколько акцентирует внимание и задают ценностный вектор.

Взаимосвязь поэта и истории раскрывается как яркий момент самосознания и ключевой эпизод в формировании личности автора, определивший творческий стиль и мировоззрение.

Ключевые слова: автобиографическая проза, поэт, история, первичное событие, завершающее событие, стиль эпохи, индивидуальный стиль, пафос.

**AUTOBIOGRAPHY BASED FICTION:
ARTIST AND HISTORY**

The article considers issues of the links between formation of a creative personality and history in the context of autobiographical text. The genre "story about myself" reveals vividly the significance of historical events perception in the formation of basic childhood impressions.

The empirical base is provided by the literary works of Russian prose: "Zapiski odnogo molodogo cheloveka" (1840 – 1841), "Byloye i dumy" (1852 – 1868) by A. Gertsen, "Poshekhonskaya starina" by M. Saltykov-Shchedrin and the importance of historical events is especially stressed in "Shkola" and "Obyknovennaya avtobiografiya v neobyknovennoye vremya" by A. Gaydar.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

The subject of the article is focused on historicism of the children's recollections, memory of the epochal events and evaluation of the social environment which unifies the autobiographical methods of A. I. Herzen, M. Y. Saltykov-Shchedrin and A. P. Gaidar. On the other hand the chosen perspective which affected the authors' self-consciousness demonstrates singularity of the individual style of each writer.

Relations between the Poet and History are uncovered in connection with the time of the historical birth. The epochal events of the world and national history are poeticized and become "THE GRAND EVENTS OF THE CHILDHOOD" in the plot of the

autobiographical narration. Moreover, two interconnected processes, those of poeticizing and prosaicizing in the theory of the autobiographical prose not only express the author's antinomical attitude towards ambiguous and contradictory historical realities, but rather attract attention and determine the vector of the values.

The connection of an artist and history is revealed in the author's personality formation and self-awareness.

Key words: autobiography, artist, history, the initial event, the final event, style of history, individual style, pathos.

Проблема прочтения автобиографических текстов в культурном поле современного времени представляет особую актуальность. Историко-графическая ценность жанра убедительно и ярко соединяет правду художественного «вымысла» и документального факта. Г.О. Винокур указывал на взаимосвязь жизненного материала в поэтическом бытии художественного произведения: «<...> и самого преобразования не было бы, если бы не было того, что преобразуется»¹. Характерный для жанра процесс самопознания выявляет несколько важнейших моментов, среди которых – осознание себя как личности, осознание себя в контексте исторического времени, и наконец, художественное отражение истории в автобиографическом тексте.

Лирико-философская окрашенность «рассказа о себе» неразрывно связана с историческим временем, в котором живет и формируется личность писателя. Такую точку зрения на автобиографическую прозу в XX веке выразил немецкий историк культуры и философ Вильгельм Дильтей: «Автобиография – это высшая и наиболее instructивная форма, в которой нам представлено пони-

мание жизни. <...> это осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму выражения. Такого рода самоосмысление, в той или иной мере, присуще каждому индивиду. <...> Только оно делает возможным историческое видение» (здесь и далее курсив наш, кроме особо оговоренных случаев. – А.К.)².

Историческая доминанта и призма повествователя объединяет обе художественные автобиографии А.И. Герцена «История одного молодого человека» (1840-1841) и «Былое и думы» (1852-1868) и отражает важнейшие для жанра отношения Автора и Истории и задает рамки дальнейшей традиции осмысления исторического времени в автобиографической прозе. Причем, что интересно, само название «Былое и думы» не только отсылает нас к лирико-философскому самопознанию, но и ярко презентует авторское Я во внутреннем диалоге прошедшего и настоящего³.

² Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 140.

³ Подробнее об этом см. Кудряшова А.А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Дисс....докт.филол. наук. Москва, 2013. 404 с., Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Автореф. дисс.... докт. филол. наук. Москва, 2013. 36 с.

¹ Винокур Г.О. Биография и культура. М., 2007. 96 с. С. 76.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

Пристальное внимание к собственной жизни и ярким моментам самосознания определили во второй половине XIX века процесс беллетризации жанра автобиографической прозы. Психологический роман XIX века показал человека, обусловленного исторически и социально. По мнению Л. Гинзбург, автобиографический стиль А. И. Герцена художественно воплощает «анализ самой исторической обусловленности и непосредственное ее проявление в человеческом материале»⁴.

Процесс беллетризации особенно ярко заявил о себе в магистральной теме автобиографической прозы. *Детство* рассматривается как начало жизни художника и исток формирования его творческого стиля. Какие же события и переживания становятся базисными в формировании личности писателя? С этой точки зрения интересен феномен «первичного события»⁵, введенный в научный обиход И. Г. Минераловой.

Первичное событие выполняет важную смысловую функцию. Во-первых, функцию сюжетобразующего элемента, который определяет важность и ценность переживаемого события. Во-вторых, феноменология переживаемого в художественной автобиографии сближается по смыслу с хайдеггеровским началом «бытия в мире» автобиографического героя⁶. Подобная важность первичности обозначена и Лидией Гинзбург, «<...> самые первые его (героя — А. К.) появления, первые сообщения о нем, упоминания о нем чрезвычайно действенны, ответственны. Это индекс, направляющий, организующий дальнейшее построение произведения»⁷.

⁴ Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. С. 92.

⁵ Минералова И.Г. «Первичное событие» в автобиографической прозе о детстве // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 16. М., 2012. С. 91–99.

⁶ Кудряшова А.А. Первичное событие в теории автобиографической прозы (монография). Ярославль: ООО «ИПК Литера», 2013. 132 с.

⁷ Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. С. 18.

Именно с Герцена берет начало отечественная традиция осмысления исторического бытия как ключевого фактора в формировании личности и, шире, индивидуального стиля, мировоззрения писателя. Предметом данной статьи является анализ автобиографических произведений А. И. Герцена «История одного молодого человека» (1840 – 1841) и «Былое и думы» (1852 – 1868), М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1887), А.П. Гайдара «Обыкновенная биографии в необыкновенное время» (1929), «Школа» (1929), где историческое время и его события не только являются базовыми впечатлениями детства, но и определяют рождение и становление Автора.

Итак, первичные впечатления детства выявили близость многих авторов XIX – XX вв., пишущих в жанре автобиографической прозы. Например, читаем у А. И. Герцена: «...когда французы в Москву приходили»⁸. Или первое предложение «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Детство и молодые годы мои были свидетелями самого разгара крепостного права»⁹. Известно, что название и начало «Пошехонской старины» представлено в четырех редакциях. Тексты первых трех отличаются от окончательной редакции меньшим количеством подробностей и мелкими разночтениями. Однако начало остается неизменным. Уже первая редакция содержит упоминание: «Излишним считаю напомнить [читателю], что и детство и молодые годы мои были свидетелями самого разгара крепостного права»¹⁰.

«Пошехонская старина» впервые опубликована в «Вестнике Европы» в 1887 г. Историко-бытовая панорама России 80-х годов XIX века соединяет картину жизни в помещичьей усадьбе с «судом над крепостничеством» (Эссен). Именно крепостной строй приобретает сюжетобразующую функцию в «Пошехонской старине», связывая

⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 16.

⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. Т. XVII. Л.: Художественная литература, 1934. С.38.

¹⁰ Там же. С. 471.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

историческую хронику в единственную фабулу – «обыкновенного жизненного обихода». Более того, социальная реальность крепостного строя определяет и художественную задачу, становится целью повествования: «восстановить характеристические черты так называемого доброго старого времени, память о котором, благодаря резкой черте, проведенной упразднением крепостного права, все больше и больше сглаживается»¹¹.

Не менее интересное решение реализуется и в подзаголовке «Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина». Помимо прямой отсылки на первое автобиографическое «Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное», художественная автобиография Салтыкова-Щедрина нарочито упоминает о мученике (мученическое житие): «Что описываемое мною похоже на ад — об этом я не спорю, но в то же время утверждаю, что этот ад не вымыслен мной. Это «пошехонская старина» — и ничего больше...»¹². Не останавливаясь в рамках статьи на явных противоречиях церковного и светского осмысления канонов мученика, упомянем лишь об изначальной позиции повествователя, который «в форме ведения моего рассказа *не намерен стесняться*».

Пространство Дома и семьи также становится минимизированной социальной реальностью, где крепостное право, как в капле воды, отражено в универсальном конфликте «отцов и детей»: полная власть первых и полное бесправие вторых. «Дети в нашем семействе были не в авантаже»¹³. Ощущение ада создается с присущими Салтыкову-Щедрину сатирой и реалистическим гротеском: «Вообще говоря, несмотря на многочисленность родни, представление о *действительно* родственных отношениях было *совершенно чуждо* моему детству»¹⁴.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. Т. XVII. Л.: Художественная литература, 1934. С. 53.

¹³ Там же. С. 469.

¹⁴ Там же. С. 203.

Нельзя говорить об отсутствии яркого детского впечатления или «первичного события»¹⁵ в автобиографическом методе М.Е. Салтыкова-Щедрина. Но вместе с тем, все базовые первичные впечатления инициированы социальной реальностью. Важный чувственно-эмоциональный нюанс, своеобразное житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина, окрашено мотивом мученичества. Этот мотив и становится ключевым в художественной оценке автором своего исторического времени. Общеизвестно, что Пошехонье в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина – сатирический псевдоним России, писатель называл себя «пошехонским литератором», то есть исконно русским писателем¹⁶.

Невероятно интересен исторический акцент в художественной биографии А.П. Гайдара – писателя, наиболее близкого к нам по времени. Опять обращает на себя внимание любопытное сопоставление Автора и Истории в названии «Обыкновенная биография в необыкновенное время». Впервые она была опубликована в «Роман газете для ребят» в 1929 году, когда Гайдару было 25 лет. Читаем: «Мне было десять лет, когда грохнула мировая империалистическая война. Отца с первых же дней забрали в солдаты. Помню: забежал он к нам ночью в серой шинели. Поцеловал и ушел»¹⁷.

Вернемся к А. Герцену и посмотрим, как художественно воплощается неразрывная связь биографии личности с *историческим* событием. Повесть «История одного молодого человека» написана автором в 28 лет и впервые напечатана в «Отечественных записках» (последний номер за

¹⁵ Подробнее о феномене «первичное событие» см. Минералова И.Г. «Первичное событие» в автобиографической прозе о детстве // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 16. М., 2012. С. 91–99. Кудряшова А.А. Первичное событие в теории автобиографической прозе (монография). Ярославль: ООО «ИПК Литера», 2013. 132 с.

¹⁶ Тюнькин К.И. М.Е. Салтыков-Щедрин в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2001. С. 5.

¹⁷ Гайдар А.П. Собр. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Государственное издание детской литературы, 1955. С. 50.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

1840 год и первый за 1841 год). Спустя двенадцать лет, в предисловии к «Былому и думам» сорокалетний автор настаивает на отдельном характере двух произведений: «Когда я начинал новый труд, я совершенно не помнил о существовании «Записок одного молодого человека». Интересно, что обнаружив этот материал, он просит сделать для себя копию. (Можем себе представить процесс копирания в 1852 г.). Герцен пишет: «Чувство, возбужденное ими, было странно: я так ощутительно увидел, насколько я состарился в эти пятнадцать лет, что на первое время это потрясло меня. Я играл еще тогда жизнью и самим счастьем, как будто ему и конца не было. Тон «Записок одного молодого человека» до того был розен, что я не мог ничего взять из них; они принадлежат молодому времени, они должны остаться сами по себе. Их утреннее освещение нейдет к моему вечернему труду»¹⁸.

Вместе с тем, любопытно отметить, что историческая призма объединяет произведения, несмотря на различный масштаб описываемых событий, авторский пафос изображаемой исторической реальности, а также смысловые акценты.

Итак, смутность *первичных воспоминаний* младенчества в повести «Записки одного молодого человека» сближается с аксаковскими (яркие образные картины традиционно заменяют хронологическую последовательность): «До пяти лет я ничего ясно не помню, ничего в связи... Голубой пол в комнатке, где я жил; большой сад, и в нем множество ворон <...>. Еще два-три года наполнены смутными, неясными воспоминаниями; потом мало-помалу образы яснее; как деревья и горы, из-за тумана вырезаются *мелкие* подробности детства и *крупные* события, о которых все говорили и которые дошли до меня»¹⁹. Обратим внимание на оценочную лексику автора: «мелкие подробности детства» и «крупные события». Если память Аксакова фиксирует смутные ощущения и важные об-

разы («постоянное присутствие матери», сестрицы, кормилицы), то память Герцена рассматривает традиционные подробности детства как «мелкие». Первичный мир ребенка определяется не собственными переживаниями, а ценностями «крупных событий» взрослого мира: «*Помню* смерть Наполеона. <...> *Помню* умерщвление Коцебу»²⁰. То есть Герцен помнит смерть тирана в 1821 г., перекроившего карту Европы, и немецкого писателя, драматурга Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу в 1819 г. Заметим, что это впечатления мальчика 7 и 9 лет. Нарочитое «помню» о смерти исторических личностей получает оценку «крупных событий» в детстве А.И. Герцена.

На наш взгляд, немаловажным фактом в объяснении подобного своеобразия памяти является признание автора: «Я был совершенно один <...> Один товарищ, одна подруга была у меня – Берта, полушарлот и полуиспанская собака ба- тышки».

Еще больший масштаб приобретает эпохальное событие 1812 года – «как французы приходили в Москву». И это получает первичное событие в «Былом и думам». Семейство оказывается запертым в Москве, где начинается пожар. «Сделалась такая неурядица, грабеж пошел и всякие ужасы», – повествует нянюшка Шушки Вера Артамоновна. Остались на улице, «у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлеба», «а вы-то кричите, надсаживаетесь»²¹.

Интерес к эпохальному событию объединяет не только героя и повествователя: Вере Артамоновне «столько же хотелось повторить свой любимый рассказ, сколько мне его слушать», но и весь дом: «Моя мать и наша прислуга, мой отец и Вера Артамоновна беспрестанно возвращались к грозному времени...»²².

Сравним с художественной автобиографией А. П. Гайдара. Повесть «Школа» впервые опубли-

¹⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 518 с.

¹⁹ Там же. С. 259–260.

²⁰ Там же. С. 260.

²¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 17.

²² Там же. С. 22.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

кована в журнале «Октябрь» за 1929 год (№ 4, 5, 7) в разделе «Пережитое» под названием «Обыкновенная биография». Поэтизация эпохальных событий у Герцена травестируется и превращается у Гайдара в семейный анекдот. Семантическое снижение начала борьбы автобиографического героя в эпоху революции 1905 г. достигается материнским рассказом «про пятый год» и ее собственную роль: «я в пятом году света из-за тебя, сорванца, не видела. Тоже... такой был деточка, что и не приведи бог... горластый, крикастый, ни минуты покоя не давал»²³.

Снижение семантики исторических революционных событий до семейного анекдота становятся солью материнского рассказа, а эпика политической борьбы сужается до двух действующих лиц – офицера и младенца. «Офицер этакий вежливый был <...> А сам, будто шутя, на руки тебя взял и между тем мигнул жандарму, а тот стал чего-то в твоей люльке высматривать. Вдруг как потекло с тебя! <...> Мундир новый – и весь насквозь; и на штаны попало, и на шашку»²⁴. Ряд описательных деталей в материнском рассказе не только создают образ офицера, запятнавшего честь мундира и офицерского оружия, но явно указывают на причину из ряда вон выходящего события, виной которому является герой-младенец. Внешне Борис обижается на несерьезность женского повествования («вовсе мне про другое рассказываешь», «я про революцию спрашиваю, а ты ерунду какую-то»), однако внутренне доволен материнским рассказом, где его роль четко определена в исходе баталии.

Подобный эпизод собственного участия и авторефлексия с оценочным суждением встречается и у Герцена, несмотря на младенческий возраст автобиографического героя: «один солдат вырвал вас у кормилицы, развернул пеленки, нет ли-де каких ассигнаций или брильянтов, видит, что ничего нет, так нарочно, азарник, изодрал пеленки, да и

бросил». Лирическим юмором окрашивается авторская оценка: «я с гордостью улыбался, довольный, что принимал участие в войне»²⁵.

Отношения Поэта и Истории определены историческим временем рождения. А.И. Герцен родился 25 марта (6 апреля) 1812 года, А.П. Гайдар – 9 (22) января 1904 г. Эпохальные события мировой и отечественной истории определили мироощущение будущих писателей. Один из известных критиков Русского Зарубежья Ф. Степун пишет: «Накануне Великой французской революции ярким воплощением идеи свободы родился в Германии Фридрих Шиллер»²⁶.

«Историзм» (Л. Гинзбург) или «память эпохи» (Е. Новокрещенных) становятся стилеобразующей доминантой и предельно ясно заявлены автором в «Былом и думах»: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей <...> Я был отчаянный патриот и собирался в полк»²⁷.

Не менее интересен факт участия семьи в исторических событиях, родителей Герцена И. А. Яковлева и Луизы Гааг. Знаменитый портрет отца перед Наполеоном: «В синем поношенном полуфраке с бронзовыми пуговицами, назначенном для охоты, без парика, в сапогах, несколько дней нечищенных, в черном белье и с небритой бородой, мой отец – поклонник приличий и строжайшего этикета – явился в тронную залу Кремлевского дворца по зову императора французов». В результате этого разговора семья получает «пропуск для выезда» и «письмо императору Александру от Наполеона <...> Когда мой отец вошел, Наполеон взял запечатанное письмо, лежавшее на столе, подал ему и сказал, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». Памятная роль отца в исто-

²⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 16.

²⁶ Степун Ф.А. Портреты / Сост. и послесловие А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 111.

²⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 16.

²³ Гайдар А.П. Собр. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Государственное издание детской литературы, 1955. С. 74.

²⁴ Там же. С. 75.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

рии семьи также связана с историческими временем и именами: «Пропуск, данный моему отцу, до сих пор цел; он подписан герцогом Тревизским и внизу скреплен московским обер-полицмейстером Лессепсом».

Автобиографический образ матери Герцена Луизы Гаг носит не менее героический характер. В художественном замысле явное воспевание ее участия, подчеркнутый драматизм исторических событий, когда она с младенцем на руках (ей семнадцать лет) едет в далекую и глухую Ярославскую губернию и находится там «среди этих полудиких людей с бородами, одетых в нагольные тулупы, говорящих на совершенно незнакомом языке, в небольшой закоптелой избе, и все это в ноябре месяце страшной зимы 1812 года». Ярким эпитетом датирует Герцен историю семейной хроники. Для Герцена важно, что, несмотря на весь драматизм событий, мать находит силы вести хозяйство в глухой деревне и заниматься с сыном. «Ее единственная опора был Голохвастов <...> Лет через пятнадцать староста еще был жив и иногда приезжал в Москву, седой, как лунь, и плешивый; моя мать угощала его обыкновенно чаем и поминала с ним зиму 1812 года». Внимание автора к роли родителей невероятно важно для мироощущения Герцена-сына. Эта способность родителей отвечать на вызовы истории. Эта способность отца и матери не только высоко ценима, но и становится фамильной чертой, наследуемой сыном с гордостью.

Следующей семантической значимой в становлении личности писателя является точка перехода от детства к отрочеству. Поэтика взросления героя была нами обозначена как «завершающее событие»²⁸. В структуре автобиографического текста оно соположено первичному событию и отражает важнейший момент *самосознания* Автора. С одной стороны, это окончание одного периода жизни и точка нового отсчета, с другой стороны,

это кумулятивный пункт, задающий направление дальнейшего становления позиции Автора в социальном, творческом, лирико-философском планах.

Не менее интересно проследить историческую взаимосвязь Поэта и Истории в «завершающем событии» детства Герцена, которое в повести «Записки одного молодого человека» реализуется смертью нянюшек Лизаветы Ивановны и Веры Артамоновны. Уход из жизни двух женщин с «патриархальным царствованием» и «непомерной благостью» определяет приход мужчины-камердинера Ванюшки. Не без юмора описывает Герцен «взрослые», «мужские» уроки, которым обучается герой: овладение богатой фразеологией и курение табака. «Время, в которое ребенка передают с женских рук в мужские, – эпоха, перелом; с мальчиком это бывает лет в семь, восемь, с девочкой лет в семнадцать, восемнадцать»²⁹.

Согласно теории автобиографической прозы, «вторая типология взросления героя связана со смертью»³⁰. Вместе с тем, своеобразие Герцена заключается в том, что переживание смерти не связано с кровными узам, по противоположности с Л. Н. Толстым, Н. С. Лесковым, Н. Г. Гариним-Михайловским, М. Горьким, И. С. Шмелевым и В. Д. Набоковым. В «Былом и думах» мотив смерти получает исторический масштаб события: «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души» («Былое и думы»). Переживаемые четырнадцатилетним героем со-бытие казни декабристов, молебна о здравии царя завершаются клятвой друзей на Воробьевых горах «пожертвовать жизнью на избранную борьбу».

Подведем итог: отношения Поэта и Истории являются магистральной темой в художественной автобиографии А. И. Герцена. Важность осмысления истории в базовых детских впечатле-

²⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 265.

³⁰ Кудряшова А.А. Поэтика взросления автобиографического героя: проблемы стиля и пафоса (монография). Ярославль: ООО «ИПК Литера», 2013. 120 с.

²⁸ Кудряшова А.А. Поэтика взросления автобиографического героя: проблемы стиля и пафоса (монография). Ярославль: ООО «ИПК Литера», 2013. 120 с.

Александра Артуровна КУДРЯШОВА / Aleksandra KYDRYASHOVA

| Художественная автобиография: Поэт и История / Autobiography Based Fiction: Artist and History |

ниях ярко выражается оценкой «крупных событий». В центре повествования – исповедь героя, которая получает эпическую широту изображения через слияние с историческими событиями и историей формирования целого поколения. Подобная историческая доминанта реализуется в дальнейшей традиции жанра русской автобиографической прозы, и шире, русской философии XIX-XX веков. Вписывание себя как личности в историческую эпоху сближает детские воспоминания Герцена с Салтыковым-Щедриным и Гайдаром. Ключевые события Детства навсегда объединят Историю и личность писателей, где личностное событие соплагается грандиозному историческому со-бытию –

вторжению Наполеона, разгару крепостного права или началу Первой Мировой войны.

Историографическая традиция в автобиографическом жанре найдет яркое продолжение в русской религиозной философии Серебряного века, где взаимоотношения Автора и Истории станут ключевой темой философских размышлений Н. Бердяева, Г. Шпета, П. Флоренского и др. Чуть позже вышеупомянутых философов гегельянское понимание истории выскажет и Ж.-П. Сартр: «Литература той или иной эпохи – это эпоха, переваренная своей литературой»³¹, чем фактически определит автобиографизм как стилеобразующий принцип своего творчества.

³¹ Подробнее о взаимоотношениях Автора и Истории см.: Нудельман Франсуа. Университет Пари-VIII. Сартр — автор своего времени? // Ж.-П. Сартр в настоящем времени. Автобиографизм в литературе, философии и политике. Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге 8–9 июня 2005 г. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 54–68.

